

ИЛЬЯ ДЕРЕВЯНКО

КУКЛА

Издательство СИЛК-ПРЕСС. МОСКВА 2017

Илья Деревянко

Кукла

«СИЛК-ПРЕСС»

1995

Деревянко И.

Кукла / И. Деревянко — «СИЛК-ПРЕСС», 1995

ISBN 978-5-6040076-1-7

Раньше у нас в стране приговоренных к смерти казнили просто и без затей – выстрелом в затылок. Это достаточно гуманно, по сравнению с электрическим стулом, на котором поджаривают людей в «свободной Америке». Однако никто не знал, что расстреливали отнюдь не всех. Некоторых физически крепких смертников отправляли в специальные тренировочные лагеря и использовали в качестве «кукол» – живых тренажеров для отработки начинающими диверсантами приемов рукопашного боя. Именно такая участь была уготована мастеру восточных единоборств Игорю Лаврентьеву, жестоко отомстившему убийцам за гибель своего брата. У «куклы» было только одно право – медленно умирать в течение месяца, максимум двух. Годами наработанная система их использования практически исключала какие-либо сбои в тренировочном процессе. Но с прибытием в лагерь Игоря и курсантов и особенно инструктора ожидал неприятный сюрприз...

ISBN 978-5-6040076-1-7

© Деревянко И., 1995
© СИЛК-ПРЕСС, 1995

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Илья Деревянко

Кукла

Глава 1

– Здорово, Сергеич, – произнес полковник ГРУ Артемьев, привставая из-за стола и протягивая руку вошедшему. Тот сжал ее, словно железными тисками. Полковник невольно поморщился.

– Присаживайся.

Гость тяжело опустился на стул. Он был одет в простой серый костюм, сидевший на нем как «на корове седло». Сразу было видно, что хозяин его больше привык к военной форме. Под тканью перекачивались мощные бугры накачанных мышц. Костяшки пальцев покрывали мозоли. Тяжелая нижняя челюсть, низкий лоб, приплюснутый нос – ни дать ни взять обезьяна! Правда, у обезьян не бывает такого умного, цепкого, безжалостного взгляда, под которым даже выдавший виды Артемьев чувствовал себя неуютно.

– По пятьдесят грамм? – радушно предложил он и, не дожидаясь согласия, достал из сейфа бутылку армянского коньяка.

Сергеич кивнул. Он явно не отличался разговорчивостью. Стаканы с бульканьем наполнились. Коньяк был десятилетней выдержки, который полагалось бы смаковать, наслаждаясь букетом, но Сергеич выпил его словно воду. Артемьев мысленно выругался. Вот и мечи бисер перед свиньями. Обошелся бы простой водярой! Сам он этот коньяк пил бережно, любя, а эта горилла? Вылакал, даже глазом не моргнув. Однако высказывать вслух свое возмущение полковник не стал.

– Как жена, ребенок? – продолжая играть роль любезного хозяина, спросил он.

– Спасибо, Машенька поправилась. – Впервые в лице гостя появилось что-то человеческое. – Но в садик пока не пускаем, пусть окрепнет. Она у меня слабенькая!

– Может, ей туда совсем не ходить? – предложил Артемьев. – Жена-то у тебя не работает.

– Ребенку нужно общение со сверстниками. Иначе вырастет домашней мимозой. К тому же Верка второго ждет, тяжело ей будет, – ответил Сергеич, тяжело вздохнув. Холодные глаза затуманились. Несмотря на свою внешность и профессию, он был сентиментален.

Некоторое время оба молчали.

Лучи солнца, проникавшие сквозь до блеска промытые окна кабинета, волшебным образом искрились в недопитой бутылке, которая магнетически притягивала к себе взгляд Артемьева. Он был, что называется, «заводной» и сейчас, приняв первый стакан, испытывал непреодолимое желание «добавить». Однако одному пить было неудобно. Поэтому Артемьев лихорадочно соображал, как склонить к «продолжению» гостя. Задача сложная: Сергеич, это все знали, пил мало и редко.

– Давай за то, чтоб роды прошли удачно, – придумал полковник. – Чувствую, пацан у тебя родится!

Против такого тоста гость устоять не мог. Стаканы вновь наполнились, с тихим звоном чокнулись, огненная влага покатила в желудки. Артемьев заметно повеселел, Сергеич же будто не пил вовсе.

– Как дела в твоей лавочке? – добродушно поинтересовался полковник.

Лицо гостя помрачнело.

– Хреново! – жестко махнул он. Глаза опять стали жесткими, холодными. – Материал никудышный присылаете!

Полковник изобразил на лице удивление.

– Да ну! А Потапов? Такой амбал! 120 кг веса, мышцы, торс! – Артемьев сладко зажмурился, сделавшись удивительно похожим на кавказского торговца, расхваливающего свой товар. – Штангист, первый разряд!

– Мышцы, торс, – ехидно передразнил Сергеич. – Слизняк твой Потапов! По ночам в камере выл как собака, в спортзале трясся, словно эпилептик, а стали на нем удары шилом отрабатывать, вовсе загнулся!

Впервые за все время разговора полковник позволил себе возмутиться:

– Что ты хочешь от меня, друг любезный?! Брюса Ли, может быть, Ояму?! Помнишь недавний случай, когда «кукла» убила иностранного курсанта? Знаешь, сколько вони было? Как Потапову не выть? Он жить хотел. Потому пошел в «куклы». Жить хотел! Понимаешь? Но по инструкции он не имеет права причинить вред партнеру. Вы его тут же пришьете. Что же получается? Хочешь, чтоб курсанты были сыты и «куклы» целы? – перефразировал Артемьев известную поговорку. Он хотел добавить еще что-нибудь ехидное, но в глазах гостя сверкнула молния, и полковник невольно замолчал.

– Перестань придуриваться! – тихо, зло сказал Сергеич. – Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду! Да, «кукла» не должна быть строптивой, но она должна быть выносливой, «долгоиграющей», от Потаповых толку мало, проще труп из морга взять! Он даже удары не отбивал, только ныл да скулил. Вот Изотов был хороший экземпляр!

– Изотов?! Так ведь это он угробил иностранца!

– Подумаешь! Одним негритосом больше, одним меньше. Зато продержался полтора месяца, много пользы принес. Ты считаешь, мы его пристрелили после этого? Нет! Я сам его убил, в бою. Хорошая практика. – Глаза Сергеича приобрели мечтательное выражение. – Как дрался, стервец, горло перегрызть норовил!

Он замолчал, думая, очевидно, о чем-то своем.

Артемьев горестно вздохнул. Как тут быть? «Куклу» найди ему «долгоиграющую»! Из чего выбирать? Сейчас не то что раньше, смертников мало, да и не каждый на «куклу» тянет. Вот при Сталине другое дело было. Изобилие! Заключенных полстраны, «кукол» навалом. Правда, тогда их называли по-другому: «гладиаторы», «волонтеры», «робинзоны» или просто «мясо». Каждый сотрудник органов имел возможность как следует потренироваться, закрепить на практике полученные знания. Сейчас же в стране ничего не хватает, даже «кукол». С ними работают только избранные...

– Постарайся, Петр, будь другом! – прервал его мысли голос Сергеича, в котором сейчас звучали просительные нотки.

– Ладно, – смягчился полковник. – Что-нибудь придумаем.

– Ну, бывай! – протянул руку Сергеич. – Мне нужно через час тренировку проводить!

Он направился к выходу.

– Да, подожди! – вспомнил Артемьев, когда гость был у самой двери. – Я тут твоей дочке подарок приготовил.

Порывшись в столе, он достал симпатичного пушистого игрушечного медвежонка с розовым бантиком на шее. Медвежонок удивленно тарачил черные бусинки глаз.

Лицо Сергеича неожиданно смягчилось. Сейчас он не напоминал гориллу.

– Спасибо, дружище, спасибо! – растроганно сказал спецназовец и, бережно взяв игрушку, вышел в коридор.

После его ухода Артемьев некоторое время сидел в задумчивости, перебирая в уме возможные варианты. Ничего путного в голову не приходило. «Черт с ним, завтра что-нибудь сообразим!» – подумал он, махнув рукой. Немного поразмыслив, полковник допил остатки коньяка, хотел было вызвать Лену из машбюро, но заколебался. Любовь любовью, а настучать может: пил-де на работе. Здесь никому верить нельзя, кроме Сергеича. Этот мужик – кремень. Жестокий, холодный как лед, но не продаст.

Ленка же – черт ее знает! Хотя, впрочем, пусть стучит, самой дорожке станет! Артемьев поднял трубку телефона.

Спустя десять минут он крепко держал за гладкие упругие бедра стройную брюнетку, которая, лежа грудью на столе, страстно постанывала в такт его ритмичным движениям.

Глава 2

В спортзале пахло кожей, потом и железом. Это был самый обычный спортзал: штанги, гири, тренажеры, боксерские груши... Самый обычный, только вот решетки на окнах. Курсанты сгрудились в углу. В ожидании инструктора они обменивались сплетнями и анекдотами. «Приходит Миронов домой, а жена...», «...Петька, если будешь моими носками орехи колоть, я твою простыню распилю...» Ха-ха-ха! «Почему прапорщик не ест маринованных огурцов? – А голова в банку не пролезает...»

Курсант Андрей Ларин, курносый светловолосый парень атлетического телосложения, не принимал участия в разговоре. Он стоял немного поодаль от остальных, о чем-то напряженно размышляя. На вопросы товарищей Андрей отвечал односложно – «да... нет», отрешенно глядя перед собой, и в конце концов его оставили в покое. Мало ли, может, у человека дома какие проблемы? Однако, если бы другие курсанты сумели заглянуть в его мысли, они бы здорово удивились.

Курсант Ларин пользовался репутацией холодного, жесткого человека, не склонного к сантиментам. Серые глаза, словно покрытые коркой льда, не допускали к себе, малоподвижное лицо с твердо очерченным подбородком не выражало никаких эмоций. Идеальный диверсант! Возможно, это только маска, скрывающая утонченную, нервную натуру потомственного интеллигента. Но кто об этом знал? В детстве Андрея часто били шпанистые одноклассники и дворовые хулиганы, уж слишком резко он отличался от остальных: не курил тайком в туалетах, не матерился, не лапал девочек по углам. Мальчик потихоньку озлоблялся. Переломным в его судьбе стал следующий случай. Однажды Андрей, учившийся тогда в шестом классе, вышел из школы, направляясь домой, как вдруг услышал за углом какую-то возню. Приблизившись, он увидел свою одноклассницу Олю Русланову, не по годам развитую девочку с бездонными черными глазами, в которую был тайно влюблен. Прижав к стене, ее тискали двое семиклассников, пользовавшихся репутацией отъявленных хулиганов. Один мял уже наметившуюся грудь, другой запустил руку под юбку. Надо сказать, что Оля не была особенно против и сопротивлялась только для вида, но неопытный Андрей еще не умел улавливать подобных тонкостей.

– Оставьте ее в покое! – срывающимся мальчишеским голосом крикнул он.

Хулиганы удивленно обернулись.

– А, маменькин сыночек пришел! – осклабился один из них, по прозвищу Гога. – Проваливай, пока цел!

Андрею ужасно хотелось убежать, но вместо этого он, преодолевая противную пустоту внизу живота и слабость в ногах, решительно двинулся вперед. Оля оправила юбку, с интересом наблюдая за развитием событий. Она любила смотреть, как дерутся мальчишки.

Хулиганы долго с наслаждением избивали мальчика, с усмешкой подавляя его неумелое сопротивление. Потом ушли, оставив его валяться в грязи. Потихоньку слиняла и Оля.

Дома на вопросы родителей Андрей упорно отмалчивался, а когда сошли синяки, напрямик направился в школу бокса. К десятому классу он был уже мастером спорта. Помимо этого, сосед, отставной офицер-десантник, обучил его боевому самбо. Теперь Андрея боялась вся школа. Он отработал перед зеркалом холодный жесткий взгляд, непроницаемое выражение лица, но душа осталась прежней... Не окажись на его жизненном пути ублюдок Гога с приятелем, Андрей, быть может, стал бы научным работником, как отец, но... Короче, сейчас старший лейтенант Ларин являлся курсантом особого учебного центра спецназа, где из него готовили профессионального диверсанта-убийцу.

Андрей знал, что такое «куклы», видел, как работают с ними другие, но сегодня была его очередь. Этим и объяснялась задумчивость старшего лейтенанта, который никак не мог

решить для себя сложный вопрос: правильно ли использовать живого человека в качестве тренировочного снаряда?..

– Равняйся, смирно! – Полковник спецназа Анатолий Сергеевич Блинов медленно шел вдоль шеренги вытянувшихся курсантов, внимательно вглядываясь в лица своих подопечных. Напротив Андрея он остановился. Во главу угла Блинов, как опытный инструктор, всегда ставил психологическую подготовку, поэтому уже несколько дней внимательно присматривался к этому парню. Здоровенный бугай, хорошо владеет рукопашным боем, огнестрельным и холодным оружием, выполняет на «отлично» все нормативы, но... Что-то в нем Сергеичу не нравилось. Прекрасный психолог, он интуитивно чувствовал то, чего не замечали другие. Конкретно сформулировать свои сомнения полковник не мог, но за сорок лет жизни Сергеич успел убедиться, что предчувствия его никогда не подводят.

– Курсант Ларин, выйти из строя!

Лицо старшего лейтенанта не выражало ничего, однако инструктор уловил исходящую от него ауру неуверенности.

– Сегодня ты будешь работать с «куклой». Это мразь, подонок, приговоренный советским правосудием к смертной казни. Уже объявлено, что приговор приведен в исполнение. Юридически его не существует. Это не человек – это «кукла». Ему продлили жизнь, чтобы вы смогли закрепить полученные знания. Он добровольно пошел на это, так как больше всего на свете любит свою поганую шкуру. Это убийца, садист. – Здесь полковник покривил душой. Человек, выделенный для курсанта Ларина, был осужден за валютные махинации, но старшему лейтенанту знать это не обязательно. Первый раз убивать всегда трудно, а уверенность, что перед ним садист-убийца, поможет парню преодолеть психологический барьер, стать настоящим диверсантом. Потом будет легче, а главное, во время выполнения боевого задания не дрогнет в последний момент рука.

– Так вот, Ларин, тебе выпала честь привести приговор в исполнение. – Острый взгляд Сергеича, казалось, пронизывал Андрея насквозь. – Сегодня «кукле» разрешено драться в полную силу. Запомни, он тоже может тебя убить, так что не расслабляйся! Вопросы есть?

– Никак нет! – отчеканил курсант, хотя в душе бушевала буря сомнений...

Человек, предназначенный на заклание, в это время сидел в специально оборудованной камере, где жил последний месяц. Несколько дней его не трогали, но по-прежнему остро болели сломанные ребра, тяжело гудела голова, путались мысли. Сегодня он поймал себя на том, что начинает забывать имя, которое носил в той, другой жизни. Сказывались многочисленные сотрясения мозга, а также жуткая нереальность происходящего. Получив предложение стать «куклой», он поначалу обрадовался, казалось, смерть отступила, появилась надежда, угасшая после отклонения кассации. Сейчас, остатками отбитого разума, человек понимал, какую ужасную ошибку совершил, избрав долгую мучительную казнь вместо гуманной пули в затылок.

– Эй, «кукла», подъем! – рявкнул хриплый голос, и человек испуганно вздрогнул. В открывшуюся дверь ввалился здоровенный спецназовец с бульдожьей физиономией. – На «тренировку» пора, – добавил он с сарказмом. – Сегодня особый день, ты можешь драться в полную силу, можешь убить, если сумеешь, но смотри, падло, не вздумай косить от боя, иначе на куски порежу, собственное говно жрать заставлю!

Замутненное сознание с трудом воспринимало услышанное, но при слове «убить» «кукла» оживился. Как ненавидел он своих мучителей! Хоть одного придушить, перегрызть зубами горло!..

Курсант Ларин, по-прежнему терзаемый сомнениями, внимательно вглядывался в лицо «куклы». Крепкий мужик, примерно ровесник, высокий лоб, волевой подбородок, но глаза! Правду говорил инструктор – натуральный убийца-садист. Разве у нормального человека

может быть такой дикий, звериный взгляд?! Сомнения стали отступать. Действительно, стоит избавить общество от подобного типа!

– Начали! – резанула по ушам команда Сергеича, и «кукла» с вурдалачьей усмешкой ринулся вперед.

Доведенный до крайности человек способен на многое. Смертник умел драться во много раз хуже, чем Андрей, однако старший лейтенант с трудом сдерживал его яростный натиск. Раньше «кукла» цеплялся за жизнь, послушно служил мешком для отработки ударов, не мешал выкручивать себе руки, душить удавкой, швырять об пол. Теперь в его жизни была только одна цель – убить этого ненавистного мордovorота, насладиться агонией... В бешеном порыве он сумел попасть курсанту кулаком в глаз, отбил нацеленный в голову боковой удар ноги, но тут же, получив страшный апперкот в печень, рухнул на пол.

– Добей его! – глухо, как сквозь вату, донесся до «куклы» голос инструктора.

Курсант почему-то медлил.

– Сопляк, маменькин сынок! Я сказал – добей! – рычал Сергеич.

Последнее, что увидел смертник, – черные глаза своего убийцы, как ни странно, испуганные, затравленные, и услышал хруст шейных позвонков. Боли почему-то не было. Затем он понесся по длинному темному коридору, в конце которого виднелся свет...

Отпустив обмякшее тело с неестественно вывернутой шеей, Андрей поднялся с колен, тяжело дыша.

– Молодец! – похлопал его по плечу инструктор. – Молодец!

Глава 3

Из багрового тумана выплыла отвратительная рожа, которая гнусно кривлялась, обнажая кривые желтые клыки.

«Тю-тю-тю, Игорек, пуси-муси, – хихикала рожа. – Отклонили, отклонили!»

Он хотел послать страшилище куда подальше, но голос не слушался. Оно, в свою очередь, ехидно захохотало и вылезло из тумана целиком, во всей красе: горбатое, скособоченное, покрытое какими-то бугристыми наростами, перемазанное зеленой слизью. Вытянув длинную костлявую руку, монстр похлопал его по щеке.

– Заберу, заберу! – издевался скрипучий голос.

Каким-то кусочком сознания Игорь понимал, что это лишь сон, но страшилище явно придерживалось иного мнения. Пританцовывая и кривляясь, оно продолжало хватать человека грязными лапами.

С трудом ворочая языком, он принялся читать «Отче наш», каждое слово давалось с огромным трудом, однако молитва возымела свое действие. Злобно взвизгнув, чудовище исчезло. Появилась другая картина, сперва вдалеке, потом ближе, ближе, и наконец Игорь очутился на зеленом лугу, ярко залитом лучами полуденного солнца. Метрах в двухстах виднелась березовая роща. Легкий ветерок ласкал лицо. Слышалось пение птиц, в траве стрекотали кузнечики. По лугу, не касаясь земли, двигалась по направлению к нему одетая во все белое фигура. Это был Володя, но не такой, каким Игорь видел его в последний раз в морге. Тогда он с трудом узнал брата: не мог поверить, что эта расколотая голова, распухшее, превратившееся в сплошной кровоподтек лицо, оскаленные в предсмертной муке зубы принадлежат Вовке, в детстве веселому шалуну, в более зрелом возрасте не менее веселому донжуану, походя разбивающему женские сердца, отличному товарищу и собутыльнику, умеющему поднять настроение в самой мрачной компании.

Сейчас брат выглядел совсем как раньше, никаких следов зверского избиения, только лицо чересчур бледное.

– Володя, ты жив! – радостно кинулся к нему Игорь. Тот слегка отстранился и, грустно усмехнувшись, покачал головой.

– Но что же тогда, где мы?

Брат молчал.

– Ты не можешь говорить?

Володя кивнул, на лице его отразилось страдание. Казалось, он хочет что-то объяснить Игорю, предупредить о грозящей опасности, но не может открыть рта.

Игорь попытался обнять его, прижать к себе, но руки прошли сквозь пустоту. Брат еще раз печально улыбнулся. Затем двинулся куда-то в сторону березовой рощи, сделав Игорю приглашающий знак рукой. Когда они добрались туда, оказалось, что никакой рощи нет, что это лишь декорация. За первым рядом деревьев оказалась бесплодная, каменистая пустыня, на краю которой стоял самый заурядный лифт. Да, просто кабина лифта, как в любом современном многоэтажном доме. Но не было ни дома, ни подъезда, только лифт, и все. Повинуясь непонятной силе, Игорь вошел внутрь. Брат куда-то исчез. Кабина оказалась самой что ни на есть обычной, лишь поражало обилие кнопок с номерами этажей. Не дожидаясь, когда Игорь нажмет кнопку, кабина сама плавно двинулась в путь: вверх или вниз – он не понял. Через некоторое время двери отворились, и Игорь очутился в ярко освещенном коридоре, уходящем в бесконечность. На стенах были развешаны стенды с именами, фамилиями, фотографиями. Внизу, под каждой фотографией, – длинный ряд отметок, совсем как в школе, от единицы до пятерки. Он осознал, что это оценки за прожитую жизнь, и решил разыскать себя, выяснить, что ждет его в конце туннеля, по которому скоро предстояло пройти. Своего стенда

Игорь не нашел, зато обнаружил Гавриленко, с удовлетворением отметив, что лейтенант заработал одни лишь двойки с редким вкраплением троек. Продвигаясь вперед, Игорь постоянно чувствовал на спине чей-то пристальный взгляд, хотя никого вокруг видно не было. Внезапно бесконечный коридор кончился, вернее, просто исчез. Игорь стоял в пустой комнате, в противоположных ее углах виднелись две двери: из одной лился солнечный свет, из второй тянуло запахом серы, а в глубине прохода, путь в который она открывала, вспыхивали багровые отблески пламени. Между этими двумя была еще третья дверь, закрытая. Движимый любопытством, Игорь потянул ручку. За ней ничего особенного: ни света, ни адского пламени – обычный город, только серый, промозглый, небо затянуто облаками, лица людей ни счастливые, ни отчаявшиеся, а просто хмурые, серые, как весь этот город...

Получив сильный удар по затылку, Игорь Лаврентьев проснулся, медленно, неохотно. Волосы на голове слиплись от пота. Яркий свет электрической лампочки под потолком больно резанул по глазам. Придя в себя окончательно, он понял, что никто его не бил, просто во сне он свалился с нар, ударившись о бетонный пол. Камера смертников, где Игорь провел последние полгода, выглядела, как обычно: замкнутое пространство без окон, нары, серые стены, бронированная дверь, небольшой стол посередине да табуретка, наглухо приделанная к полу, как, впрочем, и стол. В углу унитаз с умывальником. Высоко, так, чтоб не достать, телекамера, фиксирующая каждое его действие и передающая изображение на специальный монитор в комнате охраны. Мертвая тишина. Больше всего угнетало одиночество. Сидишь наедине со своими мыслями – и никуда не деться от слепящего электричества, от проклятой телекамеры-стукача, услужливо доносящей ментам в дежурке о каждом его движении, выражении лица. Иногда Игорю хотелось кричать, в бессильной ярости биться головой о стену, но сдерживала гордость. Нет, сволочи! Не доставит он вам развлечения, когда, устав от бесконечных партий в домино, вы с ленивой усмешкой на откормленных рожах наблюдаете за агонией осужденных, мечущихся в своих клетках, словно звери в зоопарке.

Правда, в отличие от большинства других приговоренных, Лаврентьеву один раз повезло.

Дело в том, что в работе палаческой бригады получился какой-то сбой, какой именно, он не знал, да и знать не хотел. Главное, что машина смерти забуксовала, камеры смертников, в которых полагалось сидеть по одному, переполнились, и на некоторое время у Игоря появился товарищ по несчастью, для которого в спешном порядке присобачили еще одни нары, так что места в камере почти не осталось.

Сергей Сергеевич Еремин, в прошлом директор крупного предприятия, был приговорен к смерти за хищение в особо крупных размерах. Самое гуманное в мире общество развитого социализма очень ревниво относилось к своему имуществу. Частника – грабь, пожалуйста, ну, посадят в крайнем случае, но не дай Бог своровать у государства! К стенке гада, к стенке! В расход злодея! Так ехидничал Игорь в разговорах с Ереминым, с которым в другом месте ему вряд ли бы удалось откровенно пообщаться. Сергей Сергеевич разъезжал на персональной машине, жил в элитном доме, отоваривался в спецраспределителе, а Лаврентьев довольствовался общественным транспортом, малогабаритной «хрущевкой» и пустыми прилавками магазинов.

Но смерть уравнивала всех. С Еремина сошли былые лоск и спесь. Сейчас это был совершенно седой шестидесятилетний старик с потухшими глазами, который, грустно усмехаясь, слушал наивные рассуждения двадцатипятилетнего мальчишки, понятия не имевшего об истинных рычагах, управляющих Страной Советов, о ее подводных течениях.

– Эх, Игорь, Игорь, – произнес он, терпеливо выслушав слова сокамерника. – Что ты можешь знать о нашей жизни, дурачок! Закон действительно таков, здесь ты прав, но закон этот так, ерунда, он для мелких мошенников, например, для какого-нибудь зарвавшегося завмага или «козлов отпущения» вроде меня. Но даже завмага к стенке не поставят, если он вовремя даст на лапу кому следует или не будет высовывать носа и отрываться от системы.

– Но как же нашумевшие дела о хищениях, – возразил Игорь. – Как же вы, в конце концов?!

– Хм, представь себе пирамиду, только стоящую вверх ногами, – принялся довольно туманно объяснять Еремин. – Стоит она именно на своей верхушке; это один, в крайнем случае два-три человека. Если с ними что-либо случится, скажем, сожрали их в придворной интриге – пирамида может рухнуть. Вот тогда захлебываются в истерике газеты, гремят показательные процессы. Не всегда, правда, а только когда нужно кинуть кость обывателю, показать чистоту и беспристрастность правосудия!

– Вы тоже из рухнувшей пирамиды? – поинтересовался Лаврентьев.

– Нет, со мной гораздо проще. Нужно было лизнуть, а я гавкнул! – сардонически скривился Сергей Сергеевич и, задумавшись, надолго замолчал.

В той, другой жизни Игоря шокировала бы подобная исповедь, ломающая вдолбленные с детства устои, но сейчас, после произошедшей с ним самим чудовищной несправедливости, он больше ничему не удивлялся.

Лаврентьев с Ереминым прожили в одной камере три месяца. После отклонения кассации Сергей Сергеевич совсем сдал, с трудом поддерживал разговор, по временам беспричинно плакал. Он подал прошение о помиловании, хотя абсолютно не верил в его возможность.

– Все равно убьют, – страдальчески кривился он. – Я им мешаю!

– Зачем же прошение подавали?

– Так...

Свою смерть Еремин почуял заранее, за два дня.

– В пятницу ночью за мной придут, – неожиданно твердо сообщил он Игорю. – В прошении отказано!

– Откуда вы знаете?

– Чувствую!

После этого к Сергею Сергеевичу вернулось утраченное мужество. Он шутил, рассказывал забавные истории, смеялся. Лаврентьеву казалось, что его слова о смерти тоже шутка, но в пятницу ночью за Ереминым действительно пришли. Спокойно, как будто его приглашали на обычную прогулку, Сергей Сергеевич поднялся с нар, надел калоши, заменявшие смертникам обувь.

– Прощай, парень, – тихо сказал он. – Дай тебе Бог...

Не давая закончить фразу, мордастые прапорщики из охраны заломили ему руки и грубо вытолкали наружу.

Тут Игорь взбесился.

– Суки, козлы, пидорасы, убийцы! – рычал он прямо в телекамеру и, не обращая внимания на боль, лупил кулаками в бронированную дверь. Затем замолчал, осознав вдруг, что лишь развлекает своих тюремщиков, лениво наблюдающих за экраном монитора.

– Сломался! – вяло констатировал один из них, тасуя на столе костяшки домино. – Давай, Петро, еще партеечку!

Однако прапорщик ошибался. Лаврентьев не сломался, а, напротив, переполнился ледяной ненавистью, которая с каждым днем росла, вытесняя терзающий душу страх смерти...

Тяжело вздохнув, Игорь поднялся с холодного пола и, усевшись на нары, закурил сигарету. Сперва этот странный сон, затем воспоминания... Конечно, все можно списать на расшатанные нервы: недавно пришел отказ от кассации, а подавать прошение о помиловании он не стал, не хотел унижаться перед палачами. Значит, со дня на день за ним придут, чтобы, вывернув руки, потащить к последней черте, загнать пулю в затылок.

Однако Игорь почему-то знал – сегодняшний сон неспроста. Ему хотели что-то объяснить, предоставили выбор.

Но какой у смертника может быть выбор?!

Глава 4

Анатолий Сергеевич Блинов вернулся с работы около десяти часов вечера.
– Тс-с! – открыв ему дверь, прижала палец к губам жена. – Машенька спит!

Сняв обувь, полковник на цыпочках, стараясь не произвести ни звука, прокрался в детскую. Громадное, налитое силой тело Блинова двигалось абсолютно бесшумно – сказывалась многолетняя выучка профессионального диверсанта.

Девочка спала, широко раскинув ручки и улыбаясь во сне. Золотистые локоны раскинулись по подушке, вздернутый носик забавно посапывал.

Некоторое время Сергеич умиленно рассматривал дочку, затем, вспомнив о подарке Артемьева, вынул из кармана игрушечного медвежонка и осторожно положил рядом с Машенькой. То-то будет радости, когда ребенок проснется! Может, он постоял бы еще, но заглянувшая в комнату Вера шепотом позвала ужинать. Кухня в квартире Блиновых была маленькая, аккуратная: сияющая чистотой посуда, развешанные по стенам вышитые полотенца, небольшой, покрытый пластиком столик, кружевные занавески, уютно бурчащий холодильник в углу. Опустившись на табуретку, Блинов с наслаждением принялся за ужин: аппетитный бифштекс с жареным картофелем, ломтиками свежих помидоров, зеленым горошком.

Утолив голод, он удовлетворенно облокотился о стену, медленно потягивая ароматный индийский чай. За окном бушевала осенняя непогода. Струи дождя хлестали по стеклу, злобно подвывал ветер, гонявший скуки ради пожухлые, опавшие листья. Если на пути ветра вдруг попадался припозднившийся прохожий – в завывании появлялись торжествующие нотки. «Сейчас грязью оболую, сыростью до костей пропитаю, простудой награжу», – казалось, говорил он.

Полковник не обращал внимания на разошедшуюся стихию. Анатолий Сергеевич сидел дома, в тепле и уюте, и мокрый ветер не мог до него добраться.

Вера собрала со стола грязную посуду. Двигалась она сноровисто, грациозно, несмотря на заметно округлившийся живот. Она не приставала к мужу с вопросами, дурацкими бабьими сплетнями, знала его молчаливый, нелюдимый характер. В первые годы супружества это Веру угнетало, затем притерпелась. Хочет молчать, пусть молчит, а то еще неприятностей не оберешься! Правда, Анатолий никогда ее не бил, ну, отвесил как-то пару легких пощечин, но это не в счет, особенно если вспомнить, как покойный папаша лупцевал свою законную супругу. Женщина боялась не этого. Однажды, когда она имела глупость разозлить мужа, он пронизал ее таким бешеным, дьявольским взглядом, что... Эх, лучше не вспоминать! Язык, в конце концов, можно вдоволь почесать за день с соседками, а если продолжает зудеть вечером, то телефон к ее услугам.

Допив чай, Блинов поднялся из-за стола, скупно буркнул: «Спасибо», неторопливо прошел к себе в комнату и вольготно развалился на жалобно скрипнувшем диване. Небольшой торшер в розовом абажуре (яркий верхний свет полковник не любил) отбрасывал на стены и потолок причудливые блики. В комнате было тихо, лишь издали, приглушенный плотно закрытой толстой дверью, доносился невнятный голос жены, которая в настоящий момент усердно перемывала по телефону с одной из своих подруг кости общих знакомых. «Что ж, день прошел совсем неплохо, – устало размышлял Сергеич. – Ларин оказался нормальным парнем, перешагнул барьер». Полковник знал, как тяжело порой это сделать, сам когда-то был таким же мальчишкой. Ему припомнилась молодость, инструктор Федосеев, первая «кукла», хрипящая в агонии, свои собственные ужас, отчаяние. Блинов мысленно усмехнулся. Каким желторотым сопляком он был тогда! Помнится, несколько раз просыпался по ночам. Ему мерещилась «кукла», которая то высывалась из шкафа, то нависала над кроватью. Иногда вместо нее появлялась отвратительная рогатая морда, злобно скалившаяся и манящая к себе когтистым

пальцем. Хватило ума пожаловаться инструктору. Федосеев зло высмеял молодого курсанта, но не отчислил, а предоставил вторую «куклу», потом третью... Тогда их было в избытке, не то что сейчас! После третьего раза Блинов успокоился, восстановилось душевное равновесие, вернулся нормальный сон, хороший аппетит.

Во время боевых операций за границей Анатолий не испытывал никаких моральных терзаний, делал свою работу хладнокровно, умело. Поэтому был на хорошем счету, получал награды, очередные звания. Сейчас назначили инструктором в особый лагерь спецназа. Должность непыльная, платят нормально, квартиру вот превосходную дали. Недавно начальник, собирающийся на повышение, намекнул Блинову, что именно его видит кандидатом на освободившееся место. Хорошо бы! Полковнику до смерти надоело дрессировать курсантов, тем паче в таких условиях. Как можно нормально работать, когда даже «кукол» не хватает?! Приходится носиться с каждым из этих ублюдков словно дураку с писаной торбой.

Блинов с сожалением вспомнил об убитом сегодня экземпляре. С сожалением не потому, что загубил человека, он даже не знал его имени, а потому, что дефицит, как почти все в нынешние времена! Конечно, экземпляр был далеко не свежий, подпорченный изрядно, но еще недельку мог протянуть. Однако пришлось ликвидировать, ради курсанта Ларина. Из него получится прекрасный диверсант, только нужно вышить интеллигентский душок. Сергеич ненавидел чистоплюев. Рассуждают там о высоких материях, а такие, как он, вынуждены за них в дерьме возиться. Нет уж, голубчик Андрюша (обладая великолепной памятью, полковник помнил всех своих подопечных по именам), нет, милый мой, ручки ты уже испачкал! Испачкаешь еще – совсем нашим станешь!

Удовлетворенно улыбнувшись собственным мыслям, Блинов сладко потянулся и включил телевизор. Экран заполнило бровастое лицо вождя. Тот что-то глухо картавил, не отрываясь от шпаргалки. Вставать снова, чтобы переключить программу, полковнику было лень. Поэтому он принялся терпеливо ждать, когда Леонид Ильич выскажется, авось потом покажут что-нибудь занятное, музыкальную программу, допустим. Вождь, однако, закругляться не спешил, продолжая с завидным упорством бубнить о достижениях социалистической экономики и гнусных происках империалистов.

Убаюканный монотонным бормотанием, Блинов задремал, сказала накопленная за день усталость. Неожиданно, впервые за много лет, ему приснился сон. Обычно Сергеич снов не видел: укладываясь спать, проваливался в темноту, откуда выныривал утром под надрывный визг будильника.

Сейчас же он оказался в просторной, грязной комнате, точнее, в клетке. Рядом находились какие-то немые личности, в лохмотьях которых смутно угадывались одежды и мундиры различных эпох. С озверелым видом личности дрались вокруг миски с объедками. Рядом сновали здоровенные черные крысы, норовя выхватить кусочек. С ними оборванцы дрались тоже. Опустив глаза, Блинов понял, что и сам выглядит не лучшим образом: полковничий мундир превратился в отвратительную рвань. Боевые награды крепились почему-то на заднице, руки покрывали бурые пятна засохшей крови. Возмущенный столь дерзким, кощунственным нарушением устава, полковник попытался перевесить ордена туда, где им полагалось находиться, но не тут-то было. Они намертво приросли к штанам. Послышался издевательский хохот. Перед Сергеичем, прямо из пустоты, материализовался некий подозрительный тип в черной одежде и с серым лицом. Под густой шевелюрой угадывались маленькие рожки.

– Что же ты стоишь, Толик, – ухмыльнулся тип, трясая козлиной бородкой. – Ведь ты тоже хочешь кушать!

Внезапно Блинов ощутил страшный голод, который вытягивал, разрывал на части внутренности.

– К мисочке пробиться трудно, конкурентов много! – продолжал черный тип. – Ладно, я тебя сам покормлю!

В руках у него появился здоровенный кусок сырого мяса, как смутно осознавал полковник – человеческого.

– Ты любишь его, Толик, всю жизнь им питаешься!

Вместо ответа полковник попытался ухватить добычу, но черный ловко отдернул руку, и зубы лязгнули вхолостую.

– Ма-ла-дец! – похвалил тип. – Хороший песик, служебный! Ну-ка, гавкни!

Голод мучил все сильнее, и полковник послушно залаял, надо сказать, с большим профессионализмом!

– Отлично, отлично! – подпрыгивал черный в восхищении, но мяса не давал.

Поняв, что над ним издеваются, Блинов опустил на четвереньки и горестно завыл, затем затрясся в припадке...

– Толя, ты с ума сошел, ребенка разбудишь!

Открыв глаза, Сергеич увидел рядом с диваном перепуганную жену, которая трясла его за плечо.

– Чего тебе? – хрипло, еще не придя в себя, спросил он.

– Ты кричал, вернее, выл, как... – Вера хотела сказать «как бешеная собака», но не решилась. – Что случилось?

– Ничего особенного, сон дурацкий приснился, – немного очухавшись, ответил полковник. – Иди лучше, посмотри за Машенькой!

Когда жена вышла, он некоторое время сидел на диване, прислушиваясь к гулким, неровным ударам своего сердца. Затем решительно подошел к бару и достал бутылку коньяка, хранившуюся там на случай прихода гостей. Открыв зубами пробку, Блинов принялся жадно пить прямо из горлышка. Бутылка быстро опустела, а ее содержимое приятно воспламенилось в желудке. Нервы успокоились, недавний сон начал казаться абсолютной чепухой.

Слегка охмелевший Сергеич громко рассмеялся. И привидится же всякая ерунда! Прямо мистика какая-то! Нет ни Бога, ни чертей – так его всю жизнь учили. Просто психика устала, в отпуск пора, на юг или в Прибалтику.

Полковник снова улегся на диван и крепко заснул – на этот раз как обычно, без сновидений.

Глава 5

Проснувшись рано утром, полковник Артемьев сразу почувствовал себя не в своей тарелке. Мучительно ныла голова, ватное тело плохо слушалось хозяина, жизнь казалась бессмысленной и отвратительной. Дело объяснялось просто – жуткий похмельный синдром. Когда-то в молодости было просто: вечером напился, потом как следует проспался, и все чудесно. Артемьев тогда не понимал людей, мечтающих опохмелиться. Сейчас, в сорок два года, понимал прекрасно. Сказывалась бурно проведенная жизнь: нервная, выматывающая работа, в перерывах избыток женщин, спиртного. Отдыхать по-другому Петр не умел. Нерво-трепка, козни подчиненных, придирки начальства, затем дикий разгул и снова нерво-трепка. Так без конца. Теперь проспаться, даже в выходные дни, не удавалось. Похмелье будило спозаранку, в пять-шесть утра. Душа, точнее, сидевший рядом с ней бес пьянства настырно требовал «лекарства». Попробуй откажи ему, гаду, совсем замучает! Хорошо, если пил что-нибудь одно да нормально закусывал. Тогда еще туда-сюда. Но такое случалось редко. «Заведясь», Артемьев хлебал все что ни попадя, голова у него была крепкая, а желудок вместительный. Вот и вчера после выпитого с Сергеичем коньяка Петр завелся. Когда рабочий день закончился, он напрямик двинулся к дяде Коле, брату покойного отца, его товарищу по оружию. Братья Артемьевы (старшие) служили когда-то вместе в контрразведке «Смерш», в разных частях, правда. Ленку с собой звать не стал: баба хороша в постели, но не при мужском разговоре. Трахнул, и ладно. К тому же полковник хотел поплакаться в жилетку последнему оставшемуся в живых родственнику, облегчить душу. Пустоголовая шляха тут ни к чему!

Добравшись до дядь-Колиного дома, Петр долго звонил в дверь, мысленно ругая глуховатого родича и вожделенно прислушиваясь к позвякивающим в сумке бутылкам коньяка. Наконец дядя удосужился открыть. Николай Валентинович Артемьев, генерал-майор в отставке, за последнее время сильно сдал. Из когда-то мощного, медведеподобного мужчины он превратился в трясущегося, спившегося старикашку. Даже ростом как будто сделался ниже, съезжился.

– А, Петька, заходи, – вяло пригласил он, явно не испытывая при виде племянника особого энтузиазма.

Квартира, особенно после смерти жены, была под стать дядиному виду. Пыль, грязь, пустые бутылки, немытая посуда, отсутствие закуски. Сперва пили молча, бывший генерал-майор к беседе не стремился, правда, он всегда был несколько молчалив. Опустела одна бутылка, приближалась к завершению другая. Когда кончилась и она, Петр наконец решился начать беседу, ради которой пришел. Сперва пожаловался на начальство, на службу собачью, затем добрался до дефицита «кукол». Слушая племянника, Артемьев-старший как-то странно морщился, поминутно вытирая с рук что-то видимое только ему одному. Потом, резко поднявшись, вышел в соседнюю комнату, но вскоре вернулся с бутылкой водки.

– Выпей, Петенька, может, кровь замоешь, – криво усмехаясь, предложил он.

Полковник удивленно вытаращил пьяные глаза, но от водки не отказался.

Выпили, занюхали коркой хлеба.

– Мразь ты, Петька, – неожиданно изрек дядя на удивление трезвым голосом. – Подонок, убийца!

– Что?! – возмутился Артемьев-младший. – А сам ты кто, старый дурак?

– Такой же в точности, может, даже хуже, – нисколько не обидевшись, ответил Николай Валентинович.

Короче, задушевного разговора не получилось. Выйдя на улицу, полковник Артемьев с наслаждением заехал в морду нахальному хулигану, требовавшему сигарету. Затем поймал такси. У таксистов можно было купить выпивку, что Петр и сделал. Правда, ничего, кроме портвейна, работник таксопарка предложить не смог. Ну да ладно, не все ли равно! Первую

бутылку он уговорил в машине, вторую дома, в одиночестве. Никто не мешал, хорошо, что в свое время хватило ума остаться холостяком.

Вспоминая урывками беседу с дядей, Артемьев не переставал думать о «лекарстве». Где-то ведь должно быть! Ах, ну да, шампанское в холодильнике, про которое вчера, по счастью, забыл! Прокосьяв на кухню, Петр трясущимися руками открыл бутылку. Ну давай, падло, давай, проваливайся в глотку, чего ты шипишь, сволочь?! Опорожнив бутылку, полковник почувствовал, что более-менее полегчало. Конечно, лучше бы грамм двести водочки, но где ее взять в такую рань?! Голова немного прояснилась. Мысли вернулись к работе. Несмотря на приверженность к «зеленому змию», полковник Артемьев всегда отличался служебной добро-совестностью.

Сергеичу нужна новая «кукла», причем высшего класса. Что ж, придется ехать. Петр никогда не бросал слов на ветер! Взглянув на часы, он обнаружил, что сейчас шесть утра. Служебную машину с водителем он вчера заказал на восемь. А проклятый бес, явно не удовлетворившийся одной бутылкой, требовал добавить. Черт побери, что же делать? Правда, в квартире напротив жил приятель Костя, пенсионер войск МВД. У этого всегда есть! Однако звание и служебное положение не позволяли Петру побираться, как какому-нибудь подзаборному забудыге. От невозможности достать выпивку ее захотелось еще больше. В отчаянии схватившись за больную голову, Артемьев нервно заходил по квартире, натываясь на мебель. Споткнувшись об дорогое, антикварное кресло, он чуть не упал и, злобно выругавшись, врезал по нему ногой. Мощный, годами отработанный удар разнес мебель на куски, но Петр отнесся к этому равнодушно. Он никогда не был барахольщиком.

Проблема решилась сама собой. Послышался звонок в дверь, и на пороге появился не кто иной, как Костя, опухший от многодневного запоя. В руке сосед держал бутылку коньяка «Белый аист».

– Здорово, Петр, лечиться будешь? – спросил Костя сиплым басом и виновато добавил: – Ты ведь знаешь, не могу я пить один, а душа горит!

Полковничья душа «горела» не меньше, но ради приличия он сперва отказался, правда, весьма неуверенно. Сосед, уловив интонацию, понимающе хмыкнул и, не дожидаясь приглашения, прошел прямо на кухню. Закусывали ломтиками лимона, посыпанными сахаром...

Когда к подъезду прибыла заказанная машина, опохмелившийся, помытый, побритый и наодеколоненный полковник чувствовал себя вполне приемлемо. Бес, получивший утреннюю порцию, на время оставил хозяина в покое, решив, что уж вечером раскрутит его на полную катушку.

Уютно устроившись на заднем сиденье, Артемьев курил сигарету, лениво поглядывая в окно.

На улицах города Н-ска кипела утренняя жизнь. Озабоченные, хмурые жители торопились на работу. Спасаясь от мелкого, морозящего дождика, они кутались в прорезиненные плащи, укрывались зонтами. Подобревший от выпитого, полковник вяло сочувствовал им.

У закрытых дверей винного магазина тусовались помятые алкаши со звериной тоской в глазах. Им он сочувствовал тоже. Выбравшись из города, машина понеслась по гладкому, недавно отремонтированному шоссе. В звуке ее мотора слышались довольные нотки. Казалось, машина радовалась, что кончились наконец ненавистные светофоры, забитые ее собратьями перекрестки, исчезли злые, мокрые гаишники. Дорога шла через сосновый бор. Сквозь приоткрытое окно тянуло запахом хвои. Дождь усилился, и под его монотонный шум Артемьев задремал.

Проснувшись через два часа, он обнаружил, что прибыл к месту назначения. Оставалось каких-нибудь три километра. Полковник придал лицу значительное выражение, поправил фуражку, засунул в рот мятную конфету, чтобы отбить запах спиртного.

В специальной тюрьме, где содержались в ожидании казни смертники, Артемьева хорошо знали, но документы проверяли тщательнейшим образом. Полковник не обижался. Молодцы, ребята! Порядок есть порядок!

В кабинете начальника тюрьмы Алексея Васильевича Лукьянова было, как всегда, душно. Лукьянов маялся ревматизмом и не терпел сквозняков. Курить, однако, любил. Дым, наполнявший помещение, казался сизым туманом. Даже курящий Артемьев закашлялся. Из тумана выплыла физиономия хозяина кабинета, немедленно изобразившая приветливую улыбку.

– Здравствуйте, Петр Андреевич, здравствуйте, дорогой, опять к нам пожаловали?

Вместо «р» Лукьянов выговаривал «г», поэтому в голосе его слышалось что-то еврейское, хотя с «пятой графой» у начальника над смертниками все было в порядке.

Артемьев выдавил из себя ответную улыбку, но по причине непрерывного кашля она получилась, мягко говоря, кривой.

– Слышали новость? «Спартак» опять продул! Три – два!

Петр относился к футболу равнодушно, однако всем своим видом выразил горестное сожаление. Он прекрасно знал людей, умел пользоваться их слабостями, сочувственно слушать любую ерунду, изображать любовь к вещам, или лицам, или играм, на которые ему было абсолютно наплевать. Поэтому полковник Артемьев и заслужил репутацию отличного, компанейского мужика, что приносило немалую пользу.

– Да, да, – сочувственно закивал он, – полное безобразие! Ну ничего, в следующий раз непременно отыграемся! Честно говоря, мне кажется, это была случайность!

– Вы думаете?! – расплылся в радостной надежде Лукьянов.

– Уверен!

Умаслив таким образом тюремщика, полковник наконец адаптировался в этом похожем на газовую камеру кабинете и перешел к делу.

– Что ж, – внимательно выслушав, ответил Лукьянов. – Вы как раз вовремя. Все камеры полны. Шесть постояльцев с отклоненными кассациями. Ждем «исполнителей» со дня на день. Хотите взглянуть дела?

– Нет, сперва посмотрю на них самих, один раз я уже приобрел кота в мешке. – Артемьев имел в виду известного нам Потапова.

В деле может оказаться что угодно: громкие выступления, мастер спорта по тому, по этому, особо опасен при задержании, а перед лицом смерти – слизняк. Например, некий Уткин, прославившийся безумной жестокостью, покалечивший при аресте двух оперативников, когда повели «к стенке», в прямом смысле слова нагадил в штаны да так основательно, что палачи носы позатыкали. К тому же Уткин обслонявил им всю обувь, вымаливая пощаду. «Исполнители» пожаловались потом Лукьянову, а тот, в свою очередь, насплетничал Артемьеву. Начальник тюрьмы при этом так хохотал, что едва не подавился окурком. Петр был хозяином своего слова. Раз он обещал Сергеичу «куклу» высшего класса, то достанет ее хоть из-под земли. На другой конец страны поедет, раз надо!

В сопровождении Лукьянова он прошел в дежурное помещение, где здоровенные прапорщики усердно забивали «козла». При виде начальства они лениво вытянулись во фронт.

– Садитесь, играйте дальше! – разрешил Лукьянов и жестом указал Артемьеву на восемь горевших мониторов. – Вот этих двоих пока нельзя, отказы еще не пришли, а остальные в вашем распоряжении!

Полковник принялся выбирать. Главный тюремщик по ходу дела давал краткие разъяснения. Первым из шести обреченных был маленький, худой армянин, осужденный за «хищение в особо крупных». Он суетливо бегал по камере, периодически всхлипывая и причитая. Что именно – не слышно, так как звука мониторов не передавали. Мудрое решение, ведь от постоянного плача, воя, ругани даже быки-дежурные рехнуться могут. Этот явно не годился.

Во второй камере – растрепанная полная женщина средних лет с безумными глазами, которая с целью ограбления убила свою соседку и двух ее малолетних детей. Судя по широко раскрытому рту, дамочка непрерывно вопила. Нет, баба не нужна, их в «куклы» вообще не берут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.